

Алина Лис

ШКОЛА ГЕЙШ
ПУТЬ ГЕЙШИ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Алина Лис

Путь гейши

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2017
SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л63

Серия основана в 2011 году
Выпуск 256

Художник
Е. Никольская

Лис А. Е.

Л63 Путь гейши: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 410 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2373-6

Ей была уготована роль постельной утехи, дорогой послушной игрушки, живущей для того, чтобы отдаваться мужчинам. Но Мия не желала смириться с такой судьбой. Отстаивая право самой выбирать свой путь, она бежит из страны.

Куда приведет дорога маленькую гейшу? Быть может, как раз в объятия того, от кого она так отчаянно спасается бегством? Что выберет Ледяной Беркут при их следующей встрече — любовь или власть? Сможет ли переступить через предрассудки, навязанные традицией и воспитанием? И сможет ли Мия простить его за то, что он сделал?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Лис А. Е., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2373-6

Часть первая

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ЛЕДЯНОГО БЕРКУТА

Глава 1

НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

«Квартал ив и цветов» тонул в сумерках. Загорались фонари. Круглые, обтянутые оранжевой и красной бумагой, они походили на огромные мыльные пузыри, заполненные живым сиянием. От реки тянуло прохладой, вечерняя дымка запуталась в ветвях вишневых деревьев, высаженных по центру главной улицы. Сквозь решетчатые стены веранд на землю косыми полосами падал свет.

Из-за стен слышался женский смех и звуки музыки.

Владелица самого дорогого заведения в столице бросила последний взгляд в окно. С высоты второго этажа вид был особенно хорош — подсвеченные снизу здания словно плыли по темным водам в окружении желтых и красных огней.

Еще одна ночь в веселом квартале, не отличимая от сотен тысяч других ночей. Смех, танцы, саке, распаленные мужчины, готовые без сожалений расставаться с серебром и золотом. Ночь — подруга гейши, обманщица, чаровница. Она завлекает, обещает мужчинам наслаждение, а взамен просит лишь немного денег.

Кстати, по поводу денег!

Госпожа Хасу решительно задвинула ставень и вернулась к бумагам и счетным палочкам. Баланс никак не желал сходиться, куда-то пропало почти двести серебряных момме, значит, снова придется проверять записи, выискивая ошибку.

Но стоило ей погрузиться в расчеты, как в дверь постучали.

— Госпожа, пришел даймё Такухати. — В огромных испуганных глазах юной гейши плескался страх пополам с любопытством.

Владелица «Медового лотоса» тяжело вздохнула. Она знала, что этого разговора не избежать, но все же надеялась найти беглянку раньше, чем Ледяной Беркут вернется в столицу.

— Проводи его ко мне, деточка, — велела она и мимоходом бросила взгляд в большое бронзовое зеркало у стены.

Безупречно, как всегда. Умелый макияж, изысканная прическа с дорогими украшениями, кимоно, которое не зазорно было бы надеть придворной даме. Да, видно, что не девочка, возраст не скроешь. Но это и неплохо — девочку бешеный даймё Эссо не стал бы слушать.

Он ворвался в комнату резко, чуть не снес дверь, как один из ледяных вихрей, которые приходили в столицу с его родного острова поздней осенью. Остановился напротив госпожи Хасу, сверкнув холодным голубым пламенем в глазах.

— Что это значит?! — почти прорычал генерал.

Госпожа Хасу степенно кивнула, предлагая гостю сесть.

— Здравствуйте, господин Такухати.

— Где Мия?!

Госпоже Хасу показалось, что вместе с этими словами на нее обрушилась ярость северного шторма. Она вцепилась в край кимоно, всеми силами стараясь не отвести взгляда. От дежурной вежливой улыбки свело щеки.

Гнев даймё был страшен. Если бы не годы, которые госпожа Хасу провела главой гильдии гейш, выступая послом, буфером и судьей в любых конфликтах между самураями и «кварталом ив и цветов», она бы не смогла удержать на лице доброжелательную и безмятежную маску.

— Сядьте, — повторила женщина вежливо, но настойчиво. — Мия сбежала, господин Такухати. Уже больше недели назад. Я сообщила страже, ее ищут, но пока, к сожалению, никаких вестей.

Шторм разбился о скалу, Такухати отступил, и госпоже Хасу показалось, что на лице его на миг мелькнула растерянность и боль.

— Сбежала? — хрипло переспросил генерал. — Когда? Как?

— Сядьте, — снова ласково предложила госпожа Хасу, указывая на циновку. — Ну же!

Он послушно сел, сжимая кулаки в бессильной ярости, и госпожа Хасу снова, в которой раз, напомнила себе, что при общении с хищниками главное — не бояться.

— Что за бардак у вас с охраной? На девушке должны быть метки...

Первый шок от известия уже прошел, и в глазах даймё снова загорелось колючее синее пламя.

Госпожа Хасу выложила на низенький столик серебряную сережку в форме цветка лотоса.

— Вот, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Это нашли в сумке почтового курьера. Девочка хорошо подготовилась перед побегом, господин Такухати.

Мужчина поднес сережку к глазам, изучая. Скривился и бросил на стол.

— Барахло! Слишком легко снять. Почему не браслеты, как в школе?

Госпожа Хасу вздохнула. Она предчувствовала: то, что она сейчас скажет, сильно не понравится генералу.

— Мои гейши не бегут, господин Такухати. «Медовый лотос» — лучшее заведение во всей Оясиме, я никогда не обижаю своих деточек. И они знают, что нигде больше у них не будет такой легкой и сладкой жизни... да и не умеют ничего другого. Возможно, это мне следует спросить вас, что вы такого сделали, что Мия предпочла голод и неизвестность, лишь бы не проводить каждый вечер с вами.

Акио Такухати сжал челюсти. Проступили и заиграли желваки под кожей, в глазах вспыхнула ослепительная ярость.

Вспыхнула и погасла. Даймё тяжело выдохнул и отвел взгляд.

— Я говорила с ней днем, — продолжала госпожа Хасу, словно не заметив этого молчаливого протеста. — Мия была счастлива услышать, что вы выкупили ее на месяц. Она искренне раскаивалась в своем необдуманном отказе и собиралась умолять вас о прощении. И вот всего через сутки после вашего визита моя деточка сбегает с огромным риском для жизни. Я не хочу даже спрашивать вас, господин Такухати, что вы сделали, но поверьте — такими поступками женщину не завоеешь...

— Хватит! — резко оборвал ее генерал. — Я понял.

Несколько минут они молчали. Госпожа Хасу не торопила самурая. Она задумчиво рассматривала красивое мужественное лицо и пыталась представить, что произошло между генералом и гейшей той ночью.

Вряд ли что-то действительно ужасное. Синяки или неловкую походку, какая бывает после избиений, госпожа Хасу не

пременно заметила бы на следующий день — глаз наметан. А если не бил, чего убежать?

Слухи о клиентах в «квартале ив и цветов» расходятся мгновенно. Любителей жестоких развлечений владелицы чайных домиков знали поименно. За Такухати водилась разве что любовь к шибари — не больно, не страшно и даже приятно. Девочки всегда вспоминали о ночах с генералом с мечтательным придыханием. Любая гейша в «Медовом лотосе» была бы рада приласкать Такухати и бесплатно, но он никогда не скупился на оплату и чаевые.

Ну, допустим, связал он ее! Было бы из-за чего переживать!

Дурочка эта Мия. Дурочка, не знающая ни жизни, ни мужчин. Ведь и слепому ясно — генерал совершенно потерял голову. Поведи себя с ним правильно — Ледяной Беркут не то что тебя выкупит, луну с неба достанет...

Наконец Такухати нарушил повисшую в комнате тишину:

— Ее нужно найти.

Владелица чайного домика развела руками:

— Побегу гейш редко, но случаются. Я известила стражу, но уже не надеюсь на хорошие вести. Обычно беглянок или возвращают в течение первой недели, или не находят вовсе.

Он свел брови на переносице, отчего и без того хмурое лицо стало совсем сумрачным:

— Как их ищут?

— По всем провинциям рассылают описание. Но вам ли не знать, как неохотно даймё прислушиваются к приказам сёгуна, особенно в таких мелочах. В крупных городах легко затеряться, а в деревнях нет стражи.

Генерал скривился. На его лице было написано все, что он думает об этих методах поиска.

Владелица чайного домика вздохнула и добавила:

— Разумеется, я верну вам деньги, которые вы заплатили за этот месяц.

— Деньги? Ах да...

Мысленно госпожа Хасу назвала себя болтливой сорокой. Такухати так удивился, что было ясно — генерал совершенно забыл о деньгах, уплаченных за месяц вперед.

Ничего не поделаешь, слова-то сказаны.

Он криво ухмыльнулся, побарабанил пальцами по столу, словно что-то прикидывал, и посмотрел на женщину в упор.

— Вычти эту сумму из долга Мии и подготовь бумаги. Я выкупаю ее.

На мгновение госпожа Хасу почувствовала зависть. Глава гильдии гейш давно не верила мужским обещаниям, сама выбирала свою судьбу и уже многие годы пуще любых нежных признаний любила деньги, но в эту минуту она вдруг остро позавидовала молоденькой бесхитростной и наивной девочке.

Госпожу Хасу никогда так не любили.

Звезды потускнели, черный шелк небес вылинял до бледно-синего, и Такухати понял, что не уснет. Он рывком поднялся, подошел к окну, отодвинул створку, впустив в комнату холодный ночной воздух, напоенный весенними ароматами, и ткнулся лбом в стену.

Прохладный бамбук остудил разгоряченную кожу.

Всего полчаса, и пробудятся первые птицы, ликующий щебет понесется к небесам, возвещая начало нового дня. Пройдут по улицам столицы глашатаи, покатаются телеги с товаром в сторону рынка.

Скоро станет суетно и шумно, но пока над Тэйдо стояла особая предрассветная тишина.

Генерал любил эти мгновения покоя на границе ночи и дня.

Он вдохнул ночной воздух. Чего-то не хватало...

Сакуры?

Тонкий и нежный аромат, так раздражавший Такухати в эти короткие две недели. Время цветения закончилось, лепестки облетели и увяли, оставив в душе пустоту и тоску.

Он снова вспомнил испуганные, полные слез глаза, упрямое и обреченное «не хочу», нежную, пахнущую сакурой кожу под пальцами...

...и горькие рыдания после.

«Что вы такого сделали, что Мия предпочла голод и неизвестность, лишь бы не проводить каждый вечер с вами?» — зазвучал в ушах голос владелицы чайного домика, и Такухати скрипнул зубами.

Ему очень хотелось убить кого-нибудь.

Ми-я... Имя — перезвон колокольчиков, глоток сливового вина на языке, пьянящий и сладкий. Девочка-женщина, хрупкая статуэтка в мужских руках, сожми чуть сильнее — сломаешь.

...Сломал.

Нужно было остаться тогда. Выслушать все, что девочка хотела ему сказать. Но он был слишком зол. На нее — за то, что она принадлежала другим. На себя — за слабость, неспособность отказаться от продажной девки...

— Такие деньги за беглую гейшу? Ты в своем уме? — спросил Нобу, когда прочел объявление о награде за поимку беглянки.

— Тебя не спросили.

— А что скажет твоя будущая жена и твой тесть? — не унился тот. — Горо это может не понравиться.

— И что?

Нобу отвел взгляд.

— Я думал, нам нужна поддержка клана Асано, — пробормотал он.

Акио с трудом обуздал раздражение.

— Я — даймё. И я не буду спрашивать совета у Горо Асано, что мне делать с моими женщинами, — процедил он. — Иди. И проследи, чтобы о награде знал каждый староста в каждой вшивой деревеньке.

Нобу поклонился, но задержался на пороге.

— А как же Хитоми? — горько спросил он. — Ты совсем забыл о ней, брат? А твои планы...

Генерал еле сдержался, чтобы не рывкнуть на младшенького. Служба в городской страже не пошла Нобу на пользу. Откуда эти трусоватые замашки и попытки поучать своего даймё по любому поводу?

— Не твое дело. Иди.

Плевать, что подумает будущий тесть или будущая супруга. Мию нужно найти.

Потому что без нее Ледяной Беркут не в силах заснуть до рассвета.

Но в одном Нобу прав: самое время вытащить Хитоми из дворца, а сволочь Асано тянет с обещанной помощью. Придется лететь на Кобу. Акио и так слишком долго откладывал.

Снова почти десять часов в воздухе. Дорога от Эссо заняла бы в пять раз меньше времени. Если бы Акио не сорвался в последний момент в столицу.

И можно врать самому себе сколько угодно, что прилетел по делам, что хотел увидеть брата.

Правда в том, что он прилетел сюда ради маленькой гейши. Прилетел, сам не зная, что сделает, когда ее увидит, — попросит прощения или снова грубо возьмет, обзывая шлюхой.

«Господин... я так рада вас видеть...»

Шесть дней и шесть ночей без нее и с ней. Она была рядом — в мыслях, воспоминаниях, в еле уловимом запахе сакуры — ханами на Эссо наступал позже, на ветках лишь зрели тугие нежно-розовые бутоны.

Шесть ночей без нее с навязчивым чувством вины.

Мия... Где ты сейчас?

Поскрипывало просмоленное дерево, за тонкой дощатой стенкой плескалась вода. Дракон Океан нес джонку на спине, обнимал, сжимая в кольцах, игриво стучался в борт. Мия закрывала глаза и видела его рядом. Как он лениво обтекает кораблик, косит на джонку — вполглаза, словно кот, караулящий мышь.

Кот был сыт и приглядывал скорее для порядка.

В крохотный тайник между двумя каютами не проникало ни малейшего лучика. Темнота, теснота. Мия слушала тишину, она говорила с девушкой на разные голоса. Тихий шелест волн, жалобное кряхтение дерева. «Ночная лисица» была немолода и жаловалась на возраст, словно ворчливая старушка.

Порой в привычную музыку жалоб вклинивались иные звуки — скрип ступеней, шлепанье босых ног по дереву. С негромким стуком панель отъезжала в сторону. Мия жмурилась и отворачивала лицо. Тусклый фитиль потайного фонаря для отвыкших от любого света глаз полыхал ярче полуденного солнца.

Капитан, ухмыляясь, подтрунивал над «послушником» и уходил, оставляя рисовые лепешки и кувшин с водой. Мия съедала безвкусный обед и снова проваливалась в сон, похожий на забытье.

В этом сне она скользила вокруг корабля верхом на драконе. И сам Дракон Океан — жуткий монстр, воплощение великой стихии, был покорен ее воле. Позволял дергать себя за длинные упругие усы, похожие на водные струи, выдыхал по команде хлопья пены, взлетал к небесам и нырял вниз, заставляя сердце Мии замирать от страха и восторга...

Она не знала, сколько времени провела в полузабытьи среди темноты и плеска волн. Иногда ей начинало казаться, что прошла уже тысяча лет, что в мире нет больше ничего — только непроглядная мгла тесного тайника и сладкие сны.

Волосы сперва щекотали шею, после отросли ниже плеч. Девушка хотела бы увидеть, как выглядит сейчас, но в ее крохотном мирке не было зеркал.

Будь воля Мии, она бы ушла целиком в сны, растворилась в шепоте волн, дыхании Великого Океана. Но ее тело — здоровое, молодое, полное жизни, — то и дело заставляло выныривать из забытья. Тело все время требовало чего-то — страдало от голода, жажды, мерзло, напоминало о естественных потребностях.

Приходилось просыпаться. Ночами пробираться на палубу, шурясь от слепящего света луны. Пугливо прижимаясь к борту, добираться до отхожего места, чтобы спустя пару минут торопливо юркнуть снова в безопасное и знакомое брюхо корабля.

Навстречу снам.

Дважды ей снился Джин. Эти сны были совсем иными, не похожими на грезы об Океане. Полные страсти, взаимных ласк, наслаждения, клятв и признаний взахлеб. Мия просыпалась, все еще ощущая прикосновение рук, жаркие поцелуи на коже. Вглядывалась, тяжело дыша, в безликую тьму перед собой и глотала слезы обиды.

Вспомнит ли Мию Джин, когда они встретятся? Захочет ли назвать своей, как клялся в ее снах?

Погрузку закончили на рассвете. Последний ящик с последней повозки отволокли на корабль, и последние воины поднялись по сходням. С надлежащими заклинаниями и обращениями к богу вод был зарезан и отправлен на морское дно черный петух. Взбурлившая вокруг места погребения трупика вода подсказала, что божество благосклонно приняло жертву.

— Отплываем, ваше высочество?

Джин окинул взглядом три корабля самханского посольства, пытаясь понять, не забыл ли он что-то важное, и кивнул.

Сигнальщик поднес к губам медный рог, протрубил к отплытию. Засуетились, забегали матросы, поднимая якорь, отдавая швартовые концы. Корабли раскрыли оранжевые паруса, похожие на крылья нетопыря. Расписанные языками огня борта качнулись на темно-пурпурных водах.

Навстречу из океанских вод в нежно-розовой дымке вставало солнце. Где-то там, впереди, в паре недель пути Джина ждет Оясима. И Мия.

Там же ждет нежеланная невеста, от которой нельзя отказаться — клятву, данную на Сердце Огня, не нарушить. Но без-

выходных ситуаций не бывает, надо лишь сделать так, чтобы Тэруко сама разорвала помолвку.

Ветер чуть толкнул в спину, надувая паруса, растрепал волосы, и Джин рассмеялся от переполнявшего душу совершенного детского восторга.

— Отправь сикигами, — велел он младшему атташе. — Пусть сёгун готовится к приему гостей.

В покоях госпожи кто-то был. Хитоми замерла, вслушиваясь в голоса.

— Я сказал: выйдешь замуж! Так нужно для Оясимы, и я не желаю слушать твое нытье! Посольство уже отплыло. Через две-три недели мы будем принимать гостей, и ты не опозоришь наш род перед самханскими выскочками! Ты поняла меня, Тэруко?

— Я поняла вас, дорогой брат. — Ровный, лишенный любых эмоций голос подсказывал, что подруга и госпожа Хитоми пребывает в ярости. Девушка невольно съежилась, представляя себе ее лицо сейчас — фарфоровая маска, красивая и неживая. — Вы, не подумав, влезли в войну, которую с позором проиграли, и теперь хотите откупиться мною. Интересно, согласились бы вы в оплату за мир стонать под бесталанным, лишенным магии ничтожеством?

— Заткнись! — Голос сёгуна походил на шипение змеи.

Раздался звук борьбы и короткий девичий вскрик. Леденя от ужаса, Хитоми приникла к щели между деревянными панелями.

Сёгун удерживал двоюродную сестру над полом, сжимая ее горло. Девушка беспомощно раскрывала рот, пытаясь глотнуть хоть немного воздуха.

Вот пальцы Тэруко легли поверх душящих ее рук. Хитоми поняла, что сейчас последует, и вцепилась зубами в ладонь, чтобы не закричать.

«Не надо! — мысленно уговаривала она принцессу. — Пожалуйста, госпожа! Вам не справиться с ним!»

Сёгун чуть ослабил хватку.

— Ты забываешься, Тэруко, — прорычал он. — Дядя мертв, никто больше не станет терпеть твои капризы. Я — глава рода и верховный военачальник Оясимы. А ты будешь молчать и слушаться, как положено женщине.

Он разжал руки, и девушка отшатнулась от него, растирая горло. На ее красивом и гордом лице мелькнуло выражение

крайнего отвращения, а потом снова застыла высокомерная от-
решенность.

— Ты поняла меня, Тэруко?

— Я поняла вас, — хрипло ответила принцесса.

Хитоми еле дождалась, пока он покинет покои, чтобы ото-
двинуть дверь.

— Госпожа!

— Хитоми... — Последняя из рода Риндзин повернулась к
своей любимой фрейлине. Сейчас, когда сёгун ушел и больше
не было необходимости сдерживаться, на лице Тэруко прояви-
лись по очереди гнев, возмущение, презрение и снова гнев. —
Ты слышала?

— Слышала, госпожа. — Хитоми хотела бы ободрить и уте-
шить принцессу, но Тэруко Ясуката не нуждалась в утешении.

Она схватила вазу — трехсотлетний самханский фарфор, и
со злостью запустила ею в стену. Не удовлетворившись этим
мимолетным разрушением, принцесса зашагала по комнате
туда и обратно. На бледной шее красными пятнами горели от-
метины от пальцев сёгуна.

— Он продал меня! Откупился, собачий сын! — бормотала
девушка, как в лихорадке. — Отдал уроду. Ненаследный
принц! Конечно, Шину так выгодно. О, я готова поспорить на
свое право править, он никогда не выдал бы меня ни за кого
другого, кто может занять его место. Только Хо-Ланг-И Аль
Самхан! Конечно, — она повернулась к Хитоми, дрожа от ярос-
ти, — ко мне трижды сватались даймё, Хитоми! Сильные, пол-
ноценные мужчины! Правитель Вангланга засылал послов,
предлагая в мужья своего младшего сына — чем плохи дети
камня? Ничем! Но Шин слишком трясется за свое место, как
любой самозванец. Он отдаст меня только жалкому неудачни-
ку, который никогда не сможет править!

— Госпожа, тише! — зашептала Хитоми, оглядываясь в ужасе.
Не хватало еще, чтобы до правителя дошел слух о крамольных
речах двоюродной сестры. Сёгун и за меньшее вырывал языки.

Тэруко остановилась, тяжело дыша, и Хитоми снова нево-
льно залюбовалась принцессой.

Даже сейчас, в момент наивысшей ярости, Тэруко Ясуката
была необычайно красива. Гнев не уродовал ее черт, только
придавал живой блеск глазам цвета вишневых ягод. Сердито
сдвинутые брови и сжатые губы лишь подчеркивали женст-
венность девушки.

— Я не хочу, Хитоми, — с отчаянием прошептала принцесса. — Не хочу принадлежать убогому, слабому! Моя мать — принцесса Риндзин. Я — последняя, в ком течет кровь повелителей драконов. Зачем мне муж — не воин? Мужчина, который никогда не был в бою, разве может он зваться мужчиной? То ли дело твой брат... — Голос девушки дрогнул.

Хитоми вздохнула. Она понимала и разделяла чувства подруги, но все же попыталась утешить ее:

— Говорят, принц хорош в дипломатии.

— Дипломатия? Ха! — Девушка презрительно встряхнула головой. — Дипломатия для трусов!

Она еще раз прошла по комнате, медленно успокаиваясь. Потом повернулась к Хитоми.

— Отец предупреждал: этот мир принадлежит мужчинам. И каждый будет стремиться использовать меня, уже потому что я женщина. Он берег меня, пока был жив, Хитоми. Но теперь его нет, и я должна сама о себе позаботиться. А ты мне поможешь!

— Но что мы можем сделать? — возразила девушка. Возразила слабо, больше для порядка.

Целеустремленность и всеокрушающий напор подруги уже увлекли Хитоми — снова, и не сосчитать в который раз. Сестра сёгуна обладала неженским упорством и силой воли. Кажалось, она вовсе не знала слова «сомнение». Пожелав чего-то, Тэруко не останавливалась, пока не получала это.

Злорадная улыбка промелькнула на лице принцессы.

— Мы заставим самханца отказаться от свадьбы!

Глава 2 ДРАКОН ОКЕАН

Тих ночной океан. Легкий ветер гуляет над водой, наполняет паруса, подталкивает корабль со стороны кормы. Цукиёми-но-ками — повелитель приливов и отливов — наполовину отвернул свой лик от мира людей, но палуба в бледном свете его лучей все равно как на ладони.

Мия вдохнула запах моря. После тесного и затхлого трюма он пьянил сильнее sake. Лунный свет серебристыми рыбками плясал на волнах. Джонка шла мягко, покачиваясь, словно колыбель, вверх-вниз...

Девушка еще раз глотнула морской воздух и поняла, как опротивел ей тесный тайник в трюме. Вместо того чтобы пригнуться, пробежать несколько шагов и нырнуть в нутро корабля, она шагнула к борту.

Пять минут — не больше! Она постоит тут только пять минут.

Ветер шаловливо растрепал отросшие пряди. Сколько же они плыли, если волосы почти прикрывают лопатки?

А действительно, сколько времени она в пути?

Дайхиро предупреждал, что кормить ее будут раз в сутки. Капитан приносил еду трижды. Неужели они плывут только три дня? А кажется, что прошла целая вечность!

Осталось всего полторы недели — и Самхан...

— Все драконы Ватацуми-но-ками мне в корму! Вот так подарочек прислали морские демоны!

При звуках знакомого сиплого голоса внутри Мии что-то оборвалось, в животе заледенело и начало крутить. Пальцами она до боли впиалась в дерево борта. Молясь про себя, чтобы все это было сном, навеянным океаном кошмаром, девушка обернулась.

Лунный свет отразился от выскобленного до почти зеркальной гладкости черепа. Капитан «Ночной лисицы» предпочитал брить голову наголо, словно буддистский монах, но короткую щеточку усов над верхней губой не трогал. По массивному лицу расплылась полная предвкушения улыбка.

— Какой хорошенький послушник! Проезд на моем корабле стоит денег, крошка.

— Я уже заплатила вам, — с безнадежным отчаянием прошептала Мия, но капитан только ухмыльнулся.

— Для женщин дороже.

— Я дам вам денег... потом, когда приплывем.

— Не верю в долг.

Она попыталась сделать шаг в сторону, чтобы обойти его, но капитан тоже сместился и встал на ее дороге.

— Куда ты, сладенькая? — спросил он, довольно оглядывая свою добычу. — В трюме тесно и холодно. В моей каюте всяко удобнее будет.

— Нет, спасибо, господин. — Голос окончательно перестал повиноваться.

Не уйти, не скрыться. Она одна посреди моря, в окружении мужчин, которые не слишком-то привыкли соблюдать законы. Ни друга, ни защитника. Можно сколько угодно кричать и вы-

рваться, но, даже если матросы прибегут на крик, разве кто-нибудь пойдет ради нее против капитана?

Мия почувствовала, как ее начинает колотить крупная нервная дрожь. Она сделала еще одну безуспешную попытку обойти мужчину, но тот снова встал у нее на пути.

— Я сказал — пойдешь со мной в каюту, — с угрозой в голосе произнес капитан. — Или хочешь, чтобы я тебя прямо здесь разложил?

Она сглотнула и покачала головой, глядя на мужчину снизу вверх расширенными от ужаса глазами.

— Так-то лучше, — довольно произнес он. — Будешь орать — придется поделиться с ребятами. Тебе же этого не надо?

Мия снова покачала головой. Ей хотелось завизжать или разрыдаться от ужаса, но она молчала.

Правильнее будет покориться. Если она ему понравится, может, он не отдаст ее потом команде.

Мерзость... какая невозможная мерзость! Хуже, в сотни раз хуже того, что было с ней в чайном домике в последний визит Акио Такухати. Неужели свободная жизнь начнется с того, что Мии придется ублажать насильника? Разве не от этого она сбежала?

Трюм из безопасного убежища в одно мгновение превратился в черную яму, на дне которой ожидали унижения и страдания. И надо бы послушаться, спуститься за мужчиной вниз, пока их не приметил никто из команды, но Мия не в силах была заставить себя смириться и сделать эти несколько шагов.

Добровольно — никогда!

Капитану надоела возня. Он протянул мозолистую ручищу, сцапал девушку за отросшие пряди и подтянул к себе, заставив жалобно вскрикнуть.

— Ну что ты пицишь? Сейчас набегут же, — бормотал он, торопливо шаря руками по ее телу. — Давай вниз! Или я тебя унесу...

Мия отвернулась от него и зажмурилась, дрожа от отвращения. Ей казалось, ее тело омывают волны бессильной ярости и страха. Все внутри восставало против неизбежного насилия, требовало наказать, покарать негодяя.

Обычно мягкая и добрая, она вдруг ощутила сильнейший гнев на собственную беспомощность, неспособность постоять за себя. Неужели так будет всегда и судьба Мии становиться

покорной игрушкой любого мужчины, который пожелает ею обладать? Неужели никак не возможно ответить на насилие?!

Будь у Мии кинжал в руках, она бы ударила капитана.

Словно отзываясь на ее гнев, в морских глубинах что-то глухо зарокотало.

— Что за... — Капитан, пытавшийся одновременно раздеть Мию и увлечь в темное нутро корабля, оторвался от девушки и насторожился.

«Ночная лисица» странно вздрогнула, резко съехала вниз, словно по скользкой горке... Мия не удержалась на ногах, пробежала пару шагов и упала на колени.

Внизу забурлила вода. Океан зашипел, как сотня тысяч змей одновременно, и этому шипению вторили крики ужаса с кормы. Устоявший во время качка капитан поднял голову и вдруг съехался, словно вдвое уменьшился в размерах, а потом бухнулся на зад и пополз, не отрывая глаз от черного неба. С губ его срывались беспорядочные мольбы к богу моря Сусаноо.

Мия проследила за его взглядом и обмерла. Над джонкой завис Дракон Океан — совсем такой, как в ее снах. Длинный нос, похожий на нос хищной рыбы, разъявленная пасть, острые клыки в хлопьях белой пены и гибкие усы, сотканые из водных струй.

На мгновение время застыло. Мия и дракон всматривались друг в друга — настороженно, с опаской. Девушка почувствовала, как трепыхнулось и замерло в груди сердце. Дракон был знаком ей не только по снам. При взгляде на него она ощутила странное чувство узнавания, подобное тому, какое испытывала, разглядывая себя в зеркале.

Его безудержная, первобытная мощь привлекала и пугала. Мии казалось, она ощущает незримые, но прочные сети, что сдерживали дикий порыв изначального чудовища, не давали ему не знающей преград волной пройти по Благословенным островам, чтобы слизнуть, раздавить, уничтожить крохотных людишек вместе со всем их жалким имуществом.

Дракон хотел этого. Мия почувствовала его жажду.

«Рано, — беззвучно сказал дракон. — Пока еще рано».

И обрушился на кораблик.

— Не спится, ваше высочество?

— Я слышал странный звук.

Будто подтверждая его слова, по воде снова прошел грохот, напоминающий утробное рычание огромного хищника. Корабли закачались на внезапно усилившихся волнах.

— Море, — матрос пожал плечами, — здесь часто можно услышать и увидеть странное, ваше высочество.

Джин шагнул к борту. Ходящие волны за кормой неприятно напомнили ему тугие змеиные кольца. Снова скользнуло где-то по краешку сознания гадкое ощущение чужого пристального взгляда в спину. Дремлющий в глубинах души демон насторожился и шевельнул ухом.

«Это все морок, — напомнил себе Джин. — Шепот голоса крови, не больше».

Все отпрыски фамилии Аль Самхан неуютно чувствовали себя на воде, и Джин не был исключением. Он плохо спал на кораблях и частенько просыпался от кошмаров, в которых его душил и уволакивал на дно гигантский кракен или раздирали на части акулы. Во сне Джин пытался призвать демона, но пламя гасло, погребенное в толще вод.

Он просыпался в мокрой от пота постели с отчетливым ощущением, что это — предупреждение. Ревнивый морской бог неохотно терпел на своей территории детей огня.

Чтоб ему содохнуть, змею морскому!

Сегодняшняя ночь подарила особо пакостное видение. В нем гигантский дракон вставал из морских глубин и нависал над хрупкой фигуркой на палубе. Джин запомнил мешковато сидящую одежду послушника, ужас в широко распахнутых глазах и собственный бестолковый крик: «Мия!»

Приснится же такое... Мия сейчас в безопасности, в доме агента Ёшимитсу. Скоро, всего две-три недели, — и Джин сможет увидеть и обнять ее.

Он дождался, пока матрос уйдет, и вынул нож, чтобы надрезать руку. Красная кровь казалась черной в лунном свете.

— Не обижай ее, — попросил Джин, простирая ладонь над морскими волнами.

Капли упали, разбились о блестящую черную поверхность. Море довольно зашипело и слизнуло подношение. Отданная добровольно сила — редкое лакомство.

Джин усмехнулся и покачал головой. В кого он превратился? Поверил дурному сну, словно мнительная старуха.

Но дар поднесен, и Джин не станет жалеть о нем. Глядишь, Ватацуми-но-ками и правда смилостивится как-нибудь к его любимой...

Раскрылась шире пасть. Дракон вскинул голову с победным ревом, сжимая в зубах добычу. На мгновение джонка воспарила над морскими волнами, словно пыталась улететь...

Клыки сомкнулись, сминая борта, будто ореховую скорлупку, круша мачты, раздирая паруса. С криками ужаса капитан, матросы и обломки «Ночной лисицы» полетели вниз. Туда, где могучие потоки воды сливались в kloкочущий водоворот.

Мии повезло. Торчавший над страшными клыками ус обвился вокруг ее запястья, захлестнул руку и удержал от падения. Понимая, что это единственный шанс выжить, она вцепилась в подвернувшуюся опору обеими руками и повисла у края морды.

Ус дергался, выворачивался из рук — скользкий, гладкий, совсем как во сне. Но наяву дракон не торопился повиноваться воле Мии. Он шумно выплюнул облако белой пены, нырнул в толщу вод и устремился куда-то огромной волной — неудержимой и страшной. И девушка устремила вместе с ним, ощущая себя не удалой наездницей, но репейником, приставшим к собачьему уху.

Ее мотало вверх и вниз, то окунало с головой в горькую соленую воду, то подбрасывало. Небо и море менялись местами, вода заливала глаза, и невозможно было что-то разглядеть в бурлящих переплетениях струй, в ночном бескрайнем море, где темные небеса переходили в такие же темные воды. Осталось только ощущение невероятной скорости, падения, полета сквозь мокрую тьму. Вода заливала нос, не давала дышать, а когда дракон выныривал на поверхность, ветер облизывал Мию, выдувая остатки тепла. Уже почти не чувствуя озябших рук, она цеплялась за драконий ус и уговаривала себя держаться.

Разжать пальцы посреди океана означало смерть. Мия хотела жить.

Глава 3 РАЗБИТЫЙ КОРАБЛЬ

— Вы еще не спите, госпожа?

Тэруко оторвала взгляд от расстеленной прямо на циновке карты Самхана и тепло улыбнулась своей любимице.

— Не сплю. Мне наконец принесли подробный отчет о сражении в Огненной долине. Пытаюсь повторить его. — Она кивнула на карту, где поверх вычерченного рельефа местности

располагались миниатюрные фигурки воинов. Конные, лучники, пехотинцы. Каждый воин означал отряд в тысячу самураев. Вырезанные из бумаги стрелки показывали направление движения армейских частей.

Карту и фигурки Тэруко подарил отец. Он же научил дочь составлять и анализировать планы сражений. Принцесса мнила себя неплохим стратегом и частенько предавалась этому неженскому занятию втайне от деспотичного двоюродного брата.

— Три часа ночи, — с упреком сказала Хитоми. — Вы же хотели с утра на тренировку.

Тэруко фыркнула:

— Не превращайся в няньку, Хитоми. Тебе это не по возрасту. Тренировка переносится на вечер, Шин повелел устроить учения для дворцовой стражи.

— Но как же... — Фрейлина замялась.

— В три часа пополудни Шин отбывает на праздник в храм почти со всей охраной. — Принцесса снова фыркнула. — К счастью, я не обязана его сопровождать. Шин не хочет лишний раз напоминать вассалам о моем существовании. Капитан, охраняющий зал, любит золото, он будет молчать.

— Это рискованно, — с упреком сказала Хитоми, но девушка только отмахнулась.

— Что он мне сделает, даже если узнает? Ты лучше посмотри на карту!

Подруга покорно посмотрела и пожала плечами:

— Простите, госпожа. Вы же знаете, я ничего в этом не понимаю.

— Я тебе объясню! — с энтузиазмом откликнулась принцесса. — Смотри, фиолетовые — это наши воины. Красные — самханцы. Видишь, они все в горах. Это была ловушка, Хитоми! Генерал Такухати подозревал неладное, но Шин, — она произнесла имя сёгуна с великолепным высокомерным презрением, — приказал занять долину, угрожая казнью за измену в случае неповиновения.

Хитоми нерешительно склонилась над диспозицией. Самханские войска были разбросаны по всей горной гряде. Их основу составляли лучники, в то время как армия Оясимы состояла преимущественно из кавалерии и пехоты.

— А тигр? — Пальчик девушки ткнул в оранжево-полосатую фигурку посреди вражеской армии.

— Это наследный принц Аль Самхан. Он разбудил вулканы вот здесь, здесь и здесь.

Тэруко указала на горы, отмеченные красными фишками. Красные стрелки, перекрывшие войскам Оясимы путь к отступлению, символизировали потоки лавы.

— Ума не приложу, как генерал Такухати сумел спасти две трети армии, — задумчиво произнесла девушка. — Твой брат совершил невозможное, Хитоми. О таких деяниях слагают легенды, а Шин наградил его позором и изгнанием.

Она благоговейно погладила вырезанную из кости фигурку полководца, преграждавшую путь рекам пламени. Перед мысленным взором Тэруко кипел огненный ад — почерневшая расколота земля, клубы едкого серого дыма и одинокий воин, вставший на пути стихии, чтобы защитить своих людей.

Конечно, принцесса помнила, что рядом с Такухати стояли и другие. Отпрыски сильнейших родов, лучшие из лучших. Многие так и остались на огненных полях Самхана. Война пожрала их, не вернув родным даже горсти праха для достойного погребения.

Иные сумели выжить — опаленные, выгоревшие дочиста. Встречая порой в коридорах дворца ветеранов осенней кампании, девушка отводила взгляд — слишком уж жуткими казались их обожженные лица и навсегда почерневшие глаза.

В отчете говорилось, что генерал тоже был среди них, но сумел вернуть магию. Восторженный вздох сорвался с губ девушки. Как бы она мечтала встать там, чтобы прикрыть спину достойному! Будь Тэруко рядом, она бы не позволила ни пламени, ни вражескому клинку коснуться полководца.

Она представила, как защищает его от вражеских атак, пока тот сдерживает пламя. Как бросается наперерез стреле, пущенной предательской рукой, и медленно падает, а генерал подхватывает ее, сжимает в объятиях, зовет по имени, умоляя не оставлять его, и даже зажмурилась от удовольствия.

Голос фрейлины вырвал принцессу из сладких грез:

— Мой брат — самый лучший!

Хитоми произнесла это с детской гордостью и абсолютной уверенностью в правоте собственных слов.

Даже сама богиня Аматаэрасу не сумела бы убедить сестру даймё Такухати в обратном.

Она ни на мгновение не обманывалась его напускной суровостью. Он был для нее всем сразу: даймё, обожаемым братом и

даже строгим, но любящим отцом, в противовес отцу родному, от которого девочка чаще получала попреки и тумачи. Хитоми росла со знанием, что для старшего брата не существует невозможного. Рядом с ним она не боялась ничего и никого, он способен был защитить Хитоми от всего мира...

— Самый сильный и самый добрый. Он прислал письмо.

В глазах Тэруко заплясали пурпурные искорки.

— Прочтешь мне? — Голос принцессы на этих словах подозрительно дрогнул.

— Конечно.

Брат никогда не писал в письмах чего-то секретного или личного. Специальное охранное заклинание не пускало духов-сикигами на территорию дворца, а официальная почта просматривалась службой безопасности, о чем и Хитоми, и Акио прекрасно знали.

Она развернула свиток. Всего несколько сухих строчек. Приветствие. На Эссо все хорошо. Сёгун не дал разрешения посетить женскую половину дворца и не позволил Хитоми покинуть территорию принцессы даже для свидания с братом.

«Обещаю — это временно. Мы скоро увидимся». — На этих строках письмо обрывалось. Внизу стояло три иероглифа — имя. И короткая завитушка вместо подписи.

Хитоми представила, как Акио окунает кисточку в тушь, как выводит послание по-военному четкими скупыми движениями, и на миловидном личике девушки мелькнула счастливая улыбка. Она даже не удержалась и украдкой поцеловала исписанную иероглифами бумагу.

— Счастливая ты, — тихо вздохнула принцесса. — У тебя такой брат, а я совсем одна после смерти папы... Все улыбаются, но любой рад толкнуть или воткнуть нож в спину. И везде шпионы Шина.

Она печально вздохнула и поникла, отвернувшись к стенке. Хитоми всплеснула руками и бросилась утешать подругу.

— У вас есть я, госпожа, — бормотала она, обнимая Тэруко за плечи. — Клянусь, я вас не брошу! Что бы ни случилось!

— Так что насчет Хитоми? Когда ты вытащишь ее из этого гадюшника?

Спокойнее, надо быть спокойнее.

Акио выдохнул и отвернулся от собеседника. Уставился на петляющую между скал тропинку и бескрайнее небо, сливающееся у горизонта с таким же бескрайним морем.

Горо откровенно нарывался. Вчера вечером отказался обсуждать вопрос, ссылаясь на поздний час и усталость гостя после долгого перелета. С утра уводил разговор в сторону. Ныл про высокие налоги, намекал на льготы.

Потом предложил прогуляться — мол, деловую беседу лучше вести там, где ее никто не сможет подслушать. И вот теперь уже полчаса распинался, критикуя бездарную политику клана Кумаэ.

Надоело.

Уже не пытаюсь изображать из себя дипломата, Акио обрвал разглагольствования коротким и грубым вопросом.

Пусть поможет, прежде чем выпрашивать что-то.

Наместник послал в сторону генерала укоризненный взгляд, тяжело вздохнул и наконец сдался:

— Потерпите всего два дня, мой друг. К завтраку мои люди доставят вашу прелестную сестру в городскую резиденцию Такухати.

Этот ответ не удовлетворил генерала:

— Я хочу знать подробности.

Горо издал еще один душераздирающий вздох — он не любил делиться сведениями. Искося глянул на будущего зятя — нет, заморочить ему голову не получится.

Жаль, жаль. Репутация генерала сыграла с главой клана Асано злую шутку. Горо посчитал Ледяного Беркута человеком прямолинейным, сильным, но недалеким. Идеальный сёгун, будущая ручная зверушка Горо Асано.

Но Такухати оказался умным, упертым и себе на уме. К тому же под напускным спокойствием генерала Горо то и дело ощущал всплески злости, похожей на порывы штормового ветра. И вспоминал легенды о северной земле Торфутто, где правили дальние потомки бога зимы, ветров и метелей, до того как сошедшие льды не выгнали их с обжитых земель и не заставили принести вассальную клятву императору Благословенных островов.

Неудобный союзник получился из генерала. Опасный, неуправляемый.

— Мой человек будет во дворце послезавтра. По утрам фрейлина спускается в сад, чтобы нарвать цветов для принцес-

сы. Мой человек усыпит ее, отнесет на кухню и вывезет на подводе, которая доставляет продукты.

Акио задумался. План был хорош. Не без слабых моментов, но хорош — продуманный, логичный. И, что особенно важно, почти не содержал в себе риска для Хитоми.

— Годится. Как зовут твоего человека?

— Ах, мой друг, я предпочел бы не называть его имени. Сами знаете, как рискованно в наше ненадежное время рассказывать о своих знакомствах...

Вопреки ожиданиям Горо Такухати не стал настаивать, и это насторожило толстяка.

Видимо, и так догадывается, о ком речь. Плохо.

Эх, выкрасть бы девчонку да увезти «погостить» на Кобу. Генерал сестру любит — видно, что любит. Глядишь, стал бы сговорчивее.

Жаль, не получится. Пути от Тэйдо до Кобу больше недели. Сначала по суше, потом на корабле. Такухати на фэнхуне в два счета догонит людей Горо. Отобьет сестру, увезет на Эссо, да еще и компенсации потом потребует.

Нет, придется играть честно.

— Завтра утром я возвращаюсь в столицу, — сообщил генерал.

— Ах, мой друг, неужели вы погостите у нас так недолго?! — с преувеличенным отчаянием в голосе воскликнул наместник. — А как же плавание по окрестностям Кобу? Как же праздничный ужин...

— В другой раз.

Горо снова разразился сетованиями — больше для порядка. Уезжает, и ладно. Потом поговорим, когда генерал будет чувствовать себя должником.

Тропинка под ногами вильнула, огибая скалу, вывела к побережью. Внизу, на покрытом галькой пляже лежал остов корабля и виднелось несколько человеческих фигурок.

Горо оборвал свою речь на полуслове и подался вперед, вглядываясь вниз.

— Что там? Похоже на кораблекрушение.

— Оно и есть, мой друг. — Губы наместника расплылись в предвкушающей улыбке. Он фальшиво вздохнул. — Ах, в это время года мореходам следует быть особенно осторожными. Иначе можно лишиться не только груза, но и жизни.

По закону Оясимы все, что морские волны выносили на берег, принадлежало владельцу этого берега. Иные острова,

удачно расположенные возле отмелей и коварных рифов, почти полностью жили с таких «даров моря».

— Подойдем ближе, посмотрим, что на этот раз принесли нам волны? — с энтузиазмом предложил Горо.

Акио пожал плечами. Мыслями он уже был в Тэйдо. Подготовить все к немедленному отлету, как только сестра окажется с ним. И Нобу... Позаботиться, чтобы мальчишка тоже сумел уехать. Хорошо, что брату разрешено покидать казарму — сволочь Ясуката прекрасно понимал, что младший Такухати никакуда не уйдет без Хитоми.

Они спустились по крутому склону. Толстяк-наместник катился впереди, резво перебирая короткими ножками, и в итоге умудрился обогнать своего спутника.

Вблизи корабль выглядел совсем плачевно. Расписанные огнехвостыми лисицами борта прочерчивали глубокие борозды, словно джонку попробовал на зуб гигантский морской хищник. В четыре симметрично расположенных вдоль носа и кормы отверстия вполне мог пролезть взрослый человек, и Такухати мимоходом удивился, что корабль не затонул с такими повреждениями.

Должно быть, всему виной утренний шторм. Рев моря и вой ветра разбудили Акио около шести утра. Генерал выглянул в окно и порадовался, что не стал откладывать вылет. Попасть в шторм на фэнхуне посреди моря означало почти верную смерть и для птицы, и для наездника.

Разбравшие добычу люди оказались самураями клана Асано. Увидев Горо и Акио, они поклонились:

— Господин Асано! Даймё Такухати!

— Что с грузом? — жадно спросил толстяк, потирая руки.

— Полные трюмы, — отозвался жилистый молодой мужчина, в котором Акио узнал племянника Горо. — Попорчен водой, но часть удалось спасти.

— Прекрасно! — Наместник даже зажмурился от удовольствия и мысленно поблагодарил дракона морей за неожиданный щедрый дар.

— Из команды и пассажиров, похоже, никто не выжил, — продолжал мужчина. — Кроме нее.

Акио проследил за его взглядом и увидел мокрый комочек, кутавшийся в наброшенную каким-то доброхотом на плечи куртку-хаори. Потерпевший кораблекрушение выглядел жалко. Слипшиеся сосульками влажные волосы закрывали лицо. Мель-

кнул рукав шафранового одеяния, какое носили служители Будды. По-детски тонкие запястья, ухоженные изящные руки.

Юноша, а может быть, девушка откинула назад мокрые пряди, и на Ледяного Беркута уставились самые прекрасные в мире глаза. Два темных омута, на дне которых прячется звездный свет. Уже много недель он каждый день вспоминал эти глаза.

— Ой... — еле слышно прошептала девушка. — Господин Такухати? Это снова сон, да?

Мокрая ткань неприятно липла к коже. Болели руки. Тело ломило, по нему пробегали волны жара, которые сменялись ознобом. Таким сильным, что лязг собственных зубов отдавался в ушах подобно рокоту боевых барабанов.

Мир расплывался, съеживался, шел волнами, словно Мия смотрела на него через струи воды. Какие-то люди сновали рядом, что-то спрашивали. Мия не отвечала. Куталась в накинутую на плечи куртку и молчала. В голове не было ни единой мысли, стоило прикрыть глаза, как она снова ощущала под пальцами верткий ус дракона. И казалось, что неведомая сила все еще несет ее над волнами, с размаху приподнимает и бьет о воду, протаскивает сквозь соленую толщу, чтобы снова вздернуть к небесам.

Кто сказал, что вода мягкая, пусть сам покатается на драконе!

Голоса над головой заставили ее поднять голову и откинуть волосы назад.

Знакомое лицо — красивое и жесткое. Недобрые синие глаза. Человек, от которого Мия сбежала. Но он должен быть в Тэйдо!

Это сон... просто сон, как она раньше не поняла?

Только почему так холодно?

Мия закрыла глаза, бессильно опустилась на гальку и изо всех сил пожелала проснуться.

Глава 4 ПОЕДИНОК

Это было похоже на один из тех навязчивых снов, в которых он искал, находил и снова терял Мию.

Акио почувствовал, что задыхается, словно куда-то пропал весь воздух. Все, кроме озябшей и промокшей девушки, стало

вдруг незначительным, неважным. Генерал шагнул к ней, не отрывая глаз от хрупкой фигурки, страшась даже моргнуть — вдруг, если отвести взгляд, она исчезнет?

— Ах, мой друг, это же та самая крошка-гейша, которую ты перекупил у меня на мидзуагэ. Я все хотел зайти к матушке Хасу, чтобы попробовать ее, но так и не собрался. Так она сама прибежала. Чувствую, сегодня вечером мы отлично развлечемся...

Голос Горо заставил генерала очнуться. Он резко обернулся, испытывая нестерпимое желание ударить будущего тестя.

— Нет.

Брови толстяка озадаченно скакнули вверх.

— Не хочешь разделить со мной малютку? Ладно, думаю, я и сам сумею сделать так, чтобы девочка не скучала.

Он захихикал. Акио стиснул кулаки так, что свело пальцы.

Боль привела в чувство. Нельзя ссориться с Асано. Не сейчас, не время...

Но стоило представить, как толстяк прикасается к Мии, как разум, логика и хладнокровие отступали. Оставалось только звериное бешенство и готовность защищать свою женщину до последнего.

— Ты не тронешь ее.

Горо нахмурился:

— Ты не слишком-то вежлив, мой друг. Напоминаю, что девочка принадлежит мне.

— Не тебе. Я выкупил ее долг.

Мия жалобно застонала, и генерал бросился к ней, забыв о наместнике.

Одного взгляда хватило, чтобы понять — девушка очень больна. Она дышала неглубоко и хрипло, ее била крупная дрожь, а ее кожа показалась Акио слишком холодной и влажной.

Он погладил ее по щеке, мимоходом влив толику магии, и позвал:

— Мия!

Знакомый властный голос выдернул Мию из жарких волн беспамятства. Она почувствовала тяжесть ладони на лбу и открыла глаза.

Склонившийся над ней мужчина был врагом, мучителем. Но сейчас на его лице читалась неподдельная тревога и забота.

— Господин Такухати, — обметанные солью губы едва шевельнулись, — простите меня. Я не хотела...

— Держись, — не попросил, но приказал Акио, вливая в девушку еще исцеляющей силы.

Мия прижалась щекой к ладони. Прикосновения его рук отгоняли беспмятство, несли успокоение, унимали могильный, пробирающий до костей холод.

Мужчина скинул куртку, укутал и поднял Мию. Она прижалась к нему, чувствуя, как отступает озноб. Все хорошо. В его объятиях так спокойно...

Визгливый голос откуда-то со стороны снова вернул Мию к реальности:

— Мой друг, нехорошо трогать чужую собственность. Оставь девочку, мои люди позаботятся о ней без тебя.

И гневное сквозь зубы в ответ:

— Она не твоя!

Нельзя спать! Происходит что-то важное...

Девушка разлепила мокрые от морской воды ресницы, перевела взгляд на обладателя визгливого голоса и снова задрожала. На этот раз не от холода.

Тот самый толстяк, который торговался с Такухати в ночь мидзуагэ! Кривится недовольно, а в глазах горит злое оранжевое пламя.

Чего он хочет и почему так сердится на Мию?

Тэруко завязала узел на хакама, посмотрела на себя в зеркало и удовлетворенно кивнула. Широкие штаны скрадывали линию бедер, под свободной курткой не было видно туго забинтованной груди. Мужская прическа — собранные в хвост на затылке волосы — довершала образ.

Юноша получился, пожалуй, излишне миловидный. Такой, приди он в додзё, непременно навел бы любителей молодого тела на определенные мысли. Но ей в додзё не надо.

Подойдя к стене, принцесса привсталала на цыпочки и зашарила по ней в поисках той самой панели. С тихим щелчком часть стены, расписанная райскими птицами, подалась в сторону.

Тэруко обернулась:

— Хитоми, ты идешь?

— Конечно, госпожа!

Они прокрались по узкому до невозможности коридору, замирая, когда из-за настенных панелей слышались шаги или голоса других обитателей замка.

Императорский дворец хранил множество тайников, известных лишь отпрыскам рода Риндзин. Мать Тэруко перед смертью рассказала о них мужу, а он запомнил и передал дочери, предчувствуя, что однажды это может спасти ей жизнь.

У небольшой ниши девушки задержались. Принцесса вынула и прикрепила к поясу настоящую воинскую катану и вакидзаси.

Оружие, как и умение владеть им, было подарком отца, который приходилось тщательно скрывать от ненавистного двоюродного брата.

У очередной стеной панели принцесса остановилась и прислушалась.

За стеной было тихо.

Она потянулась, нащупывая рычаг. С тихим щелчком панель отъехала в сторону, выпуская принцессу и ее верную фрейлину в маленький чулан.

Все так же на цыпочках Тэруко прокралась к двери, прильнула к щели, кивнула.

В этой части дворца располагались казармы для офицеров и малый тренировочный зал.

Принцесса не обманывалась внешним лоском двора или покровительственными улыбочками двоюродного брата. Отец не раз повторял, что дворец станет для нее полем боя.

Только дурак выйдет на битву с тупым мечом. Тело нуждается в тренировках так же, как клинок нуждается в заточке.

Поминутно оглядываясь и замирая, девушки добрались до входа в зал. Данная начальнику стражи взятка гарантировала, что в ближайшие два часа никто не пройдет этим коридором, но Тэруко все равно было страшно. Она боялась не гнева сёгуна, но того, что брат узнает ее секрет.

Наконец опасный участок остался позади. Девушки проскользнули внутрь. Хитоми осталась у двери на страже, а Тэруко взяла тренировочный деревянный меч, вышла на середину зала и встала в стойку.

— Точно не хочешь попробовать? — с подначкой спросила она фрейлину.

— Нет, госпожа.

Принцесса пожала плечами, но уговаривать подругу не стала. Она резко выдохнула и сделала несколько движений, разминая застоявшиеся мышцы.

Хитоми любовалась госпожой, не забывая поглядывать в сторону двери. Тэруко двигалась неторопливо, с текучей грацией, которая выдавала немалый опыт. Конечно, она не была такой сильной и опытной, как старший брат Хитоми, но госпожа утверждала, что с мечом в руках способна справиться со средним воином, и Хитоми ей верила. Не зря же отец принцессы с четырех лет учил Тэруко кэмпо.

Закончив с разминкой, девушка принялась за тренировочный манекен.

Удар. Чучело крутнулось на подставке, торчащий из набитого соломой «туловища» деревянный меч пронесся в опасной близости от принцессы. Тэруко рассмеялась, снова рубанула и отпрыгнула, избежав ответного удара.

Щеки ее покраснелись, глаза блестели, волосы липли к мокрой от пота шее.

Тэруко по-настоящему нравилось сражаться.

Наместник наблюдал за Ледяным Беркутом и все больше злился.

Что он себе позволяет, в конце концов? Да, род Такухати куда более древний и могущественный, но это не повод грубить в ответ на искреннее и дружелюбное предложение. Горо ведь еще в «Медовом лотосе» заметил и захотел эту девицу. А сейчас, вместо того чтобы натешиться в одиночку, от всего сердца был готов поделиться с будущим родственником.

Выкупил ты гейшу, так скажи! Вежливо. Горо Асано не кухарка, которой можно плевать в лицо.

— Мой друг, девушка — часть груза. Все, что выносит море на берега Кобу, принадлежит мне.

Генерал вскинул голову, и толстяк невольно отшатнулся — столько обжигающей ярости сверкнуло в его взгляде.

— Она — моя! — сквозь зубы прорычал генерал. — Я забираю ее на Эссо.

Мия почувствовала, как напряглись его мышцы. Руки с такой силой стиснули тело девушки, что она снова жалобно застонала.

— Сочувствую твоей потере, но море отдало девушку мне...

Если бы все это происходило с глазу на глаз, Горо, возможно, пошел бы на попятный. Видно же, что Ледяной Беркут не в себе, спорить с ним сейчас себе дороже.

Но отступить на глазах у своих людей и племянника? После того как они слышали этот оскорбительный тон?

— Ты можешь обратиться к правосудию сёгуна, но до поры, пока он не велит ее вернуть, малышка останется у меня. Мы находимся на моей земле, вокруг мои люди, и любой из них подтвердит, что Горо Асано умеет защитить свое добро!

Визгливый голос наместника врезался в уши, вызывая желание прихлопнуть его, как надоедливую муху.

А Мия лежала в его объятиях, доверчиво уткнувшись в плечо. Такая маленькая, слабая, незащищенная...

И пугающе холодная.

Сколько она пробыла в морской воде? Генерал видел, как от переохлаждения умирали сильные мужчины, а тут девчонка. Сорвать бы сейчас с нее мокрую одежду, пропарить в офуро. Потом намазать согревающей мазью, укутать в шерстяное одеяло и держать в объятиях, по капле вливая исцеляющую силу.

Акио тяжело вздохнул, мысленно сосчитал до десяти. Потом еще раз до десяти.

— Я забираю ее, — медленно сказал он. — В обмен на закаты Кумаэ, о которых мы говорили раньше.

Он разберется с неизбежными проблемами, которые только что себе создал, позже. А лечение нужно Мии уже сейчас.

Наместник изумленно моргнул. Даже ущипнул себя, просто на всякий случай, проверить — вдруг грезит.

Он заводил речь о Кумаэ с первого дня переговоров, но будущий зять упорно делал вид, что не понимает намеков. Будь Горо на его месте, он бы сам действовал так же, но Горо был на своем. И в его планах полного экономического контроля Ояси-мы этот небольшой остров играл одну из ключевых ролей.

В голове наместника замелькали обрывки разрозненных слухов, выстраиваясь в единую картину.

...Такухати выкупил первую ночь этой девушки за совершенно невероятную сумму...

...после мидзуагэ он пожелал сделать ее своей наложницей, а она опозорила его отказом...

...он утверждает, что все же выкупил ее позже, и достаточно одного взгляда сейчас на встревоженное лицо генерала, чтобы понять — выкупил не для того, чтобы плетью объяснить девке, как должна вести себя гейша рядом с самураем...

Вот он! Тот самый рычаг! Вторая Хитоми Такухати, заложник, который позволит клану Асано контролировать неуступ-

чивого даймё Эссо! Хвала повелителю морских драконов Ватацуми-но-ками, что сам прислал ее в руки Горо Асано.

Отдать ее сейчас, когда Горо на своей территории и в окружении своих людей, а Такухати один? В обмен на всего лишь одну уступку?

Пусть не надеется. Горо Асано не сделает такой грандиозной глупости.

— Ах, мой друг! — Ликование, которое он испытывал, против воли все же прорвалось сквозь напускное равнодушие. — Не все в этом мире продается и покупается! Быть может, позже я соглашусь уступить ее, но не сейчас.

Наместник Асано нипочем бы не сознался даже самому себе, что, отбирая сейчас у высокомерного и опасного союзника добычу, он ощутил совершенно детский азарт и радость.

По его сигналу несколько воинов преградили генералу дорогу.

Мию охватил ужас. Реальность и вызванный переохлаждением и слабостью бред путались в ее сознании. Толстяк трансформировался в огромную бородавчатую жабу с оранжевыми глазами.

Девушка почувствовала, как сухие губы мимолетно коснулись ее виска, а потом Такухати опустил ее снова на камни.

Сразу стало холодно. Мия жалобно захныкала, цепляясь за рукав его кимоно, и услышала:

— Потом, Мия.

Генерал выпрямился, оскалился по-звериному и положил руку на рукоять катаны.

— Назад! — прорычал он и прочертил ножами на гальке пляжа линию. — Любой, кто переступит ее, — умрет.

Воины нерешительно покосились друг на друга, потом на Такухати и остановились около линии.

Наместник чуть не взвыл от досады.

Вот ведь трусы!

Не дурак же Ледяной Беркут, чтобы выходить в одиночку против всего клана Асано, в котором тоже немало сильных магов. Взять того же племянничка Дзиро, сволочь изрядная, но какие бури умеет насылать!

Да и невыгодно генералу ссориться. Кто тогда вытащит из дворца его обожаемую сестренку? Кто поддержит во время переворота?

— Всегда неприятно лишаться имущества. Но надо понимать, что правда и сила на моей стороне. Стоит ли так держаться за наложницу, если совсем скоро у тебя будет молодая жена?

В последних словах таился намек. Пусть союзник вспомнит обо всех договоренностях. Будущее сестры и честолюбивые планы против одной смазливой девки.

Видимо, те же мысли пришли на ум Такухати. На лице генерала отразилась короткая мучительная борьба.

Мия сама не поняла, почему ей стало тоскливо и больно от последних слов наместника. Даймё непременно послушается, не станет же высокородивший самурай ссориться с другом из-за девицы, которую считает шлюхой. Зачем ему Мия, когда скоро у него будет молодая жена...

Такухати проявит благоразумие и отдаст Мио жабе с оранжевыми глазами.

Реальность крошилась под пальцами. Девушка закрыла глаза и скользнула в беспометство.

Она уже не видела, как Ледяной Беркут криво ухмыльнулся и как испуганно вздрогнул наместник при виде этой ухмылки.

— Твоя мать была шлюхой, а отец — жалким торгашом, — очень четко и громко выговорил даймё Эссо. Его холодный голос далеко разносился по пустынному берегу, отражался эхом от скал. — Сам ты заплыл жиром и не знаешь, с какой стороны находится рукоять у катаны. Горе клану Асано, им правит такое ничтожество. Если я не прав, выйди и докажи это с мечом в руках, как мужчина.

Горо сглотнул и посерел от ужаса.

В этот момент ему остро захотелось, чтобы все происходящее было просто дурным сном, потому что такой вызов обязывал его лично выйти против Такухати. А прозвучавшее оскорбление — родителей, рода и его самого — не оставляло шансов отказаться.

Бой до смерти. Такие слова смывают только кровью.

Нельзя отступить, перевести все в шутку. Два десятка самураев слышали эти слова. И племянничек, змеиное семя. Если пойти на попятный, ославят на весь мир трусом.

Клан не станет подчиняться трусу.

Как он мог? Ради какой-то девки...

«Я — труп», — с каким-то обреченным равнодушием подумал наместник. Он еще жил, дышал, двигался, но сказанные Такухати слова подписали ему смертный приговор.

Ледяной Беркут моложе на десять лет, выше, легче. Один из лучших фехтовальщиков Оясимы, он тренируется ежедневно, а Горо и в дни молодости не блистал воинскими талантами.

— Ты — вонючее отродье свиньи и крысы. Твой рот грязнее нужника. Пришло время научить мальчишку почтению к старшим, — как издали услышал он свой голос. Он показался Горо непривычно высоким, как у подростка. — Я заставлю тебя рыдать, просить прощения и молить о пощаде, — безнадежно закончил наместник.

Теперь только бой. И кто бы ни победил, не будет больше мира между Такухати и Асано.

Глава 5 ПРОТИВ БУРИ

Акио не стал затягивать поединок. Хочешь убить — убей.

Коротко и злорадно свистнула катана, разрубая толстяка так же легко, как рубила воздух. Плеснувшая струя крови запятнала кимоно, красные брызги легли на лоб и щеку, заставив генерала поморщиться.

Разрубленное наискось тело наместника еще опускалось, когда Акио не услышал — ощутил всем телом опасность.

Не рассуждая, не думая, повинувшись одному инстинкту, он, пригнувшись, нырнул вперед. Развернулся и вскинул меч.

Вовремя.

Брошенное в спину заклинание наткнулось на сталь и распалось. Остаток вложенной в него силы протащил Акио по галке, швырнул спиной на скалу, вышибая дух.

Он не глядя ответил магическим ударом. Со стороны противника послышался вскрик боли.

Мия! Что с ней?

Короткий взгляд в ее сторону успокоил его. Девушка лежала там же, где Акио оставил ее. Занятые мстью самураи не уделили ей внимания.

Пущенный генералом порыв ледяного ветра разметал противников. В два прыжка он оказался рядом с Мией и перекинул ее через плечо. Нащупал и дернул невидимый поводок...

Теперь важно успеть подняться вверх по тропе раньше, чем вассалы Горо придут в себя.

Он ударил еще раз, обрушив ледяной смерч на противников, и мрачно ухмыльнулся, услышав крики боли за спиной.

— Держи его! Уйдет же, — голосил кто-то из воинов.

И голос Дзиро Асано:

— Спокойно! Ему никуда не деться с острова.

Если бы не необходимость беречь дыхание, генерал бы рассмеялся.

Стрела пропела над ухом и разбилась о камень сотней голубых искр. Акио снова отмахнулся, как от надоедливой мухи, послав за спину «Улыбку севера». Для любого более сложного заклинания требовалось остановиться и сосредоточиться.

Генерал не сомневался, что справится с любым из оставшихся за спиной самураев. Порознь или вместе, сражаясь с помощью катаны или магии, — не важно.

Но время! Пока будет идти бой, подбегут другие. Всех воинов клана ему не одолеть.

И Мия...

Девушка безжизненно свисала с его плеча, напоминая, что дорога каждая минута.

Еще дважды рядом свистели стрелы. Пущенные слабой рукой, на излете, они были безвредны.

Генерал преодолел гребень и остановился. Довольная улыбка осветила сосредоточенное и мрачное лицо.

Навстречу Такухати, переливаясь всеми оттенками пламени, спускалась огненная птица.

Сегодня фэнхун не играл в строптивца, поэтому высоту они набрали в считанные мгновения.

Далеко внизу грязным серым пятном посреди вод цвета аметиста лежал Кобу. По приказу всадника птица сделала круг, разворачиваясь грудью на северо-восток. Упругие струи встречного ветра били в лицо, несмотря на встроенную в седло магическую защиту.

Мия обвисла в объятиях Акио — неподвижная и холодная, словно уже готовилась расстаться с этим миром. За все это время девушка пришла в сознание лишь на мгновение, когда он усаживал ее в седло и затягивал ремни. Пробормотала в бреду «здравствуй, Хоно», — и снова отключилась.

Тревога за нее мешала мыслить трезво. Такухати с трудом сдерживался, чтобы поминутно не дергать повод, принуждая птицу лететь быстрее.

Так только загнишь летуна до смерти. Фэнхун и без того работал крыльями на пределе усилий.

Они успели преодолеть почти половину пути до Эссо, когда резкий порыв ветра ударил в спину, подбросил фэнхуна вверх. Птица замахала крыльями чаще, выравнивая курс. Генерал оглянулся и громко выругался.

За спиной сплошной черной стеной в проблесках молний надвигалась буря.

Дзиро! Акио еще раз выругался, вспомнив улыбчивого племянника Горо.

Генерал слышал, что мальчишка хорош в заклинании штормов, но чтобы настолько...

Эманации чужой силы носились в воздухе, чуть покалывали кожу голубыми искрами. Синий абрис магического пламени подсвечивал контур туч. От красоты и мощи стихии захватывало дух.

Налетевший вихрь подхватил птицу и седоков словно сухой лист, подбросил к небесам, а потом швырнул навстречу волнам.

Уже почти у самой воды фэнхун сумел выровняться, тяжело хлопая крыльями.

«Буря быстрее меня, — в мыслеречи птицы звучала обреченность. — Мы погибнем».

— Поговори мне! — сквозь зубы прошипел генерал, направляя летуна к скалистому островку посреди бушующего океана.

Это был крохотный клочок суши длиной в пару сотен шагов. Бури и шторма глодали его восемь из двенадцати месяцев в году, с корнем выдирали едва взошедшие деревца. Лишь в короткое северное лето островок оживал. Поросшие можжевельником скалы покрывались сорной травой, в которой изредка пламенели соцветия рододендронов. На камнях у воды любили отдыхать тюлени, а в скалах гнездились альбатросы и чайки.

Когда огненная птица опускалась на гальку у кромки воды, небо над островком уже почернело. Генерал, ругаясь, ослабил ремни, выдернул девушку из седла.

— К скалам, — скомандовал он.

Северный край острова вздыбливался беспорядочным нагромождением каменных глыб. Одна из них слегка нависала, образуя естественное укрытие. В выемке между камнями прятались прошлогодние птичьи гнезда, похожие на спутанные клубки сухой травы.

Акио с предельной осторожностью уложил Мию под навес и кивнул фэнхуну:

— Полезай туда.

«Что? В эту нору?» — Мыслеречь летуна была богата на интонации. Вне всяких сомнений, фэнхун оскорбился, услышав приказ.

— Будешь греть и защищать Мию, — прорычал генерал. — Быстро!

И, уже не обращая внимания на птицу, обнажил катану, чтобы вогнать клинок в землю меж камней.

Успел!

Налетевшая на островок мгновением позже волна скатилась по стенкам созданного Акио защитного поля, словно омыла гигантский невидимый пузырь. Ветер запел в скалах, все больше усиливая напор.

Такухати сосредоточенно сдвинул брови и положил руки на рукоять меча.

Ему предстояло в одиночку держать щит против бури.

Дракон кружил рядом, мечтая заполучить Мию в холодные и влажные объятия. Она отбивалась, вырывалась и бежала, оскальзываясь на гладких камнях. В темноту, где таился, поджидая добычу, огромный тигр. Шерстинки на его шубе полыхали языками огня и роняли искры на обожженную землю.

Тигр и дракон играли. Скалились, пугали, гоняли друг к другу измученную девушку. Мия металась между ними, чувствуя, как последние силы оставляют ее.

Она споткнулась, упала и не смогла встать. Дракон подошел и лег с левой стороны. От его тела расходился сырой холод. Справа лег тигр, обжигая испепеляющим дыханием.

Жар, холод и слабость.

— Уходи! — сказала Мия дракону и закашлялась. — И ты тоже! — велела она тигру.

Дракон насмешливо фыркнул, тигр дернул ухом. И все.

Мия рассердилась, и гнев помог побороть страх и слабость.

— Убирайтесь оба! — крикнула она.

Крик отразился в темной пустоте и вернулся. Теперь в нем ощущался отзвук силы. Тигр отошел и уселся поодаль, насто-роженно поглядывая на девушку. Дракон не двинулся с места.

— Почему ты преследуешь меня? — спросила Мия у драко-на.

Она не ждала ответа и вздрогнула, когда услышала его бес-плотный и равнодушный голос:

— Мне нет нужды преследовать. Я и так всегда рядом.

— Неправда! — рассердилась Мия. — Ты появился, когда я села на корабль. Что тебе нужно? Почему ты хотел меня убить?

Дракон засмеялся. Именно засмеялся — разве могли быть чем-то иным эти ритмичные хлопающие звуки?

— Я пришел, потому что ты позвала, дитя вод. Но в тебе не-достаточно силы, чтобы приказывать мне. Хочешь повеле-вать — найди ее.

Что-то ткнулось в ее ладонь. Мия перевела взгляд и поняла, что сжимает нож. Она вскрикнула и чуть не выронила его, успев перехватить рукоять в последний момент.

Когда она подняла взгляд, дракон уже исчез, а на месте тиг-ра лежал Джин. Полностью обнаженный, скованный цепями.

Тихий вкрадчивый шепот, похожий на змеиное шипение, — он рождался будто сам собой в голове Мии:

— Ты знаешь-ш-шь, что делать, дитя вод. Выпус-с-сти силу.

Покачиваясь, Мия подошла к распятому мужчине. Амети-стом вспыхнул узор вен на обнаженном теле, похожий на пере-плетение ветвей в кронах деревьев.

Джин посмотрел на девушку, и в расширенных зрачках мел-лькнул страх. «Мия!» — шевельнулись губы.

Она подняла нож и замерла. Вспороть кожу по рисунку, вы-пускающая на волю алую, несущую пламя и смерть жидкость, — вот чего ждет от нее дракон. Достаточно нескольких надразезов...

— Дейс-с-ствуй, если хочешь-ш-шь силы...

Внутри обожгло ужасом, точно кипятком плеснуло. Как можно — это же Джин?! Ее Джин! Пусть он предатель, пусть изменил Мии у нее на глазах, разве можно за это зарезать его вот так, как жертвенного петуха?

Как вообще можно зарезать невинного человека ради силы?!

Мия вскрикнула, отшвырнула нож, как ядовитую змею, и даже вытерла руку о полу кимоно, словно короткое прикосно-вение к обтянутой кожей рукояти ее испачкало.

— Потерпи, — всхлипнула она, дергая цепи Джина. — Сейчас я тебя освобожу.

— Ду-у-ура, — разочарованно вздохнул в темноте дракон.

Ревел и бесновался шторм, дождь лил сплошным потоком, словно все небесные реки разом решили сойти на землю, стоил ветер, и вставало на дыбы море, чтобы обрушиться на затерянный в океане клочок земли. Казалось, все воздушные и водные драконы Оясимы собрались вокруг крохотного скалистого островка и теперь с размаху бились телом о возведенный генералом барьер, желая попробовать на зуб человечинки.

Лезвие уже наполовину скрылось в земле, и каждый удар стихии вгонял меч все глубже.

Над катаной на коленях стоял Акио Такухати и держал щит.

Вцепившиеся в рукоять пальцы сводила судорога, в глазах темнело от запредельного напряжения. Каждый вдох давался с трудом, словно сверху придавило гранитной плитой, но Ледяной Беркут стискивал зубы и снова воздвигал преграду на пути обезумевшей стихии.

В Огненной долине было хуже.

Стемнело, но буря не ослабляла напора. Ночная тьма была наполнена визгом ветра в скалах и грохотом волн.

Шторм выдохся лишь на рассвете. Тучи расползлись, небо над островком наконец прояснилось. Акио выдохнул, разжал негнущиеся побелевшие пальцы и рухнул на камень.

Не хотелось шевелиться, думать, что-то решать. Усталость затаивала в черную дыру, обещая покой — сон без сновидений.

Нельзя спать! Мия...

Он медленно поднялся, опираясь о камень. Ковыляя, добрал до скалы, под которой оставил девушку. Фэнхун забился вглубь норы и мелко дрожал. Даже для волшебной птицы попадание в подобный шторм было равносильно смерти.

Летун выполнил приказ. Мия лежала, укрытая его крылом. Акио взял ее на руки, прижал к груди, еще раз поразившись, какая она маленькая и легкая.

И холодная.

На бледном лбу девушки выступила испарина, Акио вытер ее, злясь, что не может толком согреть больную — после ночи наедине с бурей он и сам почти не чувствовал рук.

Поцеловав посиневшие от холода губы, он влил в Мию еще немного силы. Столько, сколько девушка могла сейчас взять.

Она всхлипнула:

— Господин Такухати! Я не шлюха...

— Я знаю. — Голос генерала дрогнул. — Знаю. Держись! Скоро дом.

Акио прижал девушку к себе крепче и перевел взгляд на фэнхуна:

— Вылезай.

Птица выбралась, опасливо косясь то на небо, то на хозяйна.

Такухати раздраженно поморщился, предчувствуя очередные капризы. И оказался прав.

«Опасно лететь, ветер еще силен. Нужно подождать хотя бы полчаса».

Доля истины в словах фэнхуна, несомненно, была. Буря окончилась, но летящие по небу рваные клочья туч не внушали доверия. В любой иной ситуации генерал и сам предпочел бы переждать непогоду.

«Если влетим в болтанку, погибнем все».

Акио был слишком занят, усаживая Мию в седло и затягивая ремни, поэтому проигнорировал нытье птицы.

«Ты слышал меня, человек?»

— Справишься, — сквозь зубы ответил генерал, впрыгивая в седло. — Полетели!

Госпожа Масуда выглянула в окно — убедиться, что небо совсем прояснилось после ночной грозы, и довольно кивнула.

— Неси белье, — велела она молоденькой служанке. — Похоже, дождь уже не вернется.

Девушка кивнула и исчезла, чтобы чуть позже появиться на крыльце с огромной корзиной выстиранных еще вечером простыней. Рассветное солнце ложилось золотыми и розовыми отблесками. Где-то в кустах запела птица. Госпожа Масуда раскрыла окно, выпустила в дом птички трели и легкий морской бриз.

И чуть не выронила вазу, которую протирала от пыли, заметив в небесах сияющую оранжевую точку.

Аккуратно поставив вазу на место, госпожа Масуда подбежала к бронзовому гонгу и трижды по два раза ударила в него, выстукивая знакомый всем обитателям замка ритм. Звук еще

таял в воздухе, а слуги уже засуетились, забегали, спешно проверяя — все ли в порядке?

Сама госпожа Масуда оправила кимоно и степенно проследовала к парадному входу — встречать хозяина.

Фэнхун снизился резко. Ветер от его крыльев заставил заколыхаться тяжелые полы кимоно госпожи Масуды. Она дождалась, пока всадник спрыгнет на землю, и поклонилась:

— Добро пожаловать домой, господин. Мы не ждали вас раньше полудня.

— Горячую баню с лечебными травами, согревающую мазь, чай с медом и два... нет, три шерстяных одеяла, — велел генерал, снимая с седла какой-то сверток. — Немедленно!

Госпожа Масуда наконец разглядела, что за «сверток» привез хозяин, охнула и побежала исполнять распоряжение.

Генерал внес Мию на руках в банное помещение и раздел, не обращая внимания на суетившихся рядом прислужниц.

При виде странного украшения на шее девушки он мимоходом удивился и тут же забыл о нем, поглощенный тревогой.

Полет в мокром кимоно и ночевка на острове усугубили последствия переохлаждения. Даже магия, которую Акио осторожно вливал в Мию на протяжении всего пути, лишь замедлила развитие болезни. Руки и крохотные ступни девушки показались ему просто ледяными, а кожа неприятно холодной и влажной на ощупь. Она часто и хрипло дышала, иногда вскрикивала в бреду.

Сейчас это совершенное обнаженное тело не вызвало в Леянном Беркуте никаких мыслей, кроме сводящего с ума страха потерять ее.

— Пошли прочь! — прорычал генерал служанкам, которые как раз заложили магические камни в офуро.

Проверил температуру воды, удовлетворенно кивнул и опустил Мию в воду. Девушка вскрикнула: «Горячо!»

— Терпи!

Она захныкала, открыла глаза и попыталась выбраться из бочки, но Акио удержал:

— Не дергайся, Мия. — Он старался, чтобы это прозвучало мягко, но получилось лишь чуть менее требовательно, чем обычно. — Так надо.

Мия была слишком слаба, чтобы спорить. Она бессильно откинулась на стенку офуро и снова закрыла глаза.

Из вновь накатившей апатии ее вывел плеск воды — Акио опустился рядом и обнял ее сзади. Так же, как было на мидзуагэ вечность назад. Но теперь в его прикосновениях не сквозило вожделения. Бережные и нежные, они согревали и вливали силы в измученное тело.

Кожа горела от обжигающе горячей воды, словно Мию опустили в крутой кипяток. Особенно больно было пальцам — их жгло, будто огнем.

— Пожалуйста, — выговорила она, с трудом шевеля губами. — Слишком горячо...

— Вода едва теплая, Мия. Камни только заложили. Дай руки.

Ее кисть утонула в ладонях Акио. Сначала онемевшая кожа ничего не чувствовала, а потом в пальцы словно хлынуло жидкое пламя. Мия не сдержала крика.

— Терпи! Вторую руку!

Болезненному воздействию подверглись и ноги. К концу этих странных банных процедур девушка задыхалась, по лбу стекали капли пота. Она чувствовала себя измученной, но при этом — странное дело — более живой, чем до офуро. Скрюченные пальцы пусть неохотно, но слушались. Мию все так же невыносимо клонило в сон, но теперь это был нормальный сон больного на пути к исцелению, а не тяжелое забытие, подобное смерти.

— Положи здесь, — сказал Такухати, обращаясь к кому-то, кто был в комнате. — И приготовь мою постель.

Потом рывком встал и вынул Мию. После офуро воздух показался ей очень холодным. Она стояла, закрыв глаза, и покачивалась, пока Акио вытирал ее полотенцем. Он старался делать это нежно, но Мия все равно морщилась и стискивала зубы. Покрасневшая от горячей воды кожа болезненно отзывалась на любое прикосновение.

Мия запомнила урывками, как он нес ее на руках, завернув в шерстяное одеяло. Как растирал резко пахнущей травами мазью — сначала от нее стало холодно, а потом по телу словно прокатилась огненная волна. Как будил, поднося к губам Мию обжигающий, приторно-сладкий напиток.

— Выпей, и я отстану. Ну!

Она покорно пила, слишком измученная, чтобы самой что-то решать или спорить. Акио не выпускал ее даже на мгновение, и от этого было хорошо — легко и спокойно.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ЛЕДЯНОГО БЕРКУТА	5
Часть вторая. КОГДА ПРОСНЕТСЯ ДРАКОН	191